

Иван Горбунов

Воспоминания

«Public Domain»

Горбунов И. Ф.

Воспоминания / И. Ф. Горбунов — «Public Domain»,

Актер Горбунов совершал многочисленные поездки по России. Он создал эстрадный жанр устного рассказа, породил многочисленных последователей, литературных и сценических двойников. В настоящее издание вошли избранные юмористические произведения знаменитого писателя XIX века Ивана Федоровича Горбунова.

Содержание

Воспоминания	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Иван Горбунов

Воспоминания

Воспоминания

В начале декабря 1849 года на письменном столе в кабинете покойного учителя моего Н. В. Берга¹ я увидел четыре тетрадки, сложенные в четверку, писанные разными почерками. На обложке первой было крупно написано «Банкрот». Это слово зачеркнуто и под ним тоже крупно: «Свои люди – сочтемся»,² комедия в 4-х действиях, соч. А. Островского».

«Какое приятное занятие эти танцы! Что может быть восхитительнее!..» – начал читать я. Этот монолог охватил все мое существо. Я прочитал всю пьесу, не вставая с места.

– Позвольте списать, Николай Васильевич! – обратился я к Бергу.

– Сегодня я должен отдать назад. Островский будет читать ее у М. Г. Попова (университетский товарищ Александра Николаевича). Пьеса вряд ли будет напечатана.

¹ Берг И. В. (1823–1884) – поэт, переводчик, педагог, учитель Горбунова в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

² «Свои люди – сочтемся». Эту пьесу А. Н. Островский начал писать в 1846 году. Послав в 1849 году свою комедию в цензуру, автор получил следующий отзыв цензора Гедеонова: «...Все действующие лица...отъявленные мерзавцы. Разговоры грязны; вся пьеса обида для русского купечества» (А. Н. Островский. Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1949, стр. 403). Пьеса приобрела широкую известность еще в рукописи. Ее читали в Москве П. М. Садовский, М. С. Щепкин и сам автор. Ее публикация с большими цензурными изъятиями в журнале «Москвитянин» (1850, № 6) вызвала крайнее недовольство влиятельных московских купцов. Николай I распорядился направить ее в особый цензурный комитет и на докладе комитета написал: совершенно справедливо, напрасно напечатано, играть же запретить». Царь потребовал сведений о жизни и образе мыслей Островского и, получив доклад, отдал 1 июня 1850 года распоряжение: «Иметь под присмотром». И одна из лучших комедий Островского была разрешена к постановке только через 11 лет. Премьера состоялась 16 января 1861 года в Петербурге на сцене Александринского театра. Горбунов играл роль Тишки.

В тот же день, в обед, я пришел к Матвею Григорьевичу Попову и предложил ему свои услуги переписать пьесу с тем, чтобы один экземпляр оставить у себя. Писал я в то время отлично.

– Вероятно, автор нам это позволит, – отвечал Матвей Григорьевич, и тотчас же усадил меня в своем кабинете, дал мне какую-то необыкновенно глянцевою бумагу, на которой писать так же было трудно, как на стекле, тем более что и перья тогда употреблялись более гусиные!

Около восьми часов вечера в кабинет вошел белокурый, стройный, франтовато одетый (в коричневом со светлыми пуговицами фраке и, по тогдашней моде, в необыкновенно пестрых брюках) молодой человек, лет двадцати пяти. Набил трубку табаку, выпустил два-три клуба дыму и сбоку, мельком взглянул на мое чистописание.

Это был А. Н. Островский.

– Позвольте вас спросить, – робко обратился я к нему, – я не разберу вот этого слова.

– «Упаточилась», – отвечал он, посмотрев в тетрадку, – слово русское, четко написанное.

Спросил я, впрочем, не потому, что не разобрал этого слова, а просто я горел нетерпением услышать его голос.

В восемь часов в зале началось чтение. Мы с братом Матвея Григорьевича слушали из кабинета. До конца, до мельчайших подробностей ведомый мне мир, из которого взята пьеса, изумительная передача в чтении характеров действующих лиц произвели на меня неизгладимое до сих пор впечатление.

В течение декабря и января я переписал пьесу три раза и выучил ее наизусть. Она была напечатана в мартовской книге «Москвитянина» 1850 года, но играть ее на сцене не позволили.³ Автор был взят под надзор полиции.

– Это вам больше чести, – сказал ему граф Закревский, лично объявляя Островскому распоряжение высшего начальства.

Граф Закревский любил произведения Островского. Пьесы «Свои люди – сочтемся» и «Бедность не порок» автор читал у него в доме.

Надзор был снят по всемирнолюбивейшему манифесту при вступлении на престол императора Александра II.

– Позвольте вас поздравить! – с улыбкою сказал Александру Николаевичу квартальный надзиратель, объявляя ему о снятии с него надзора.

– Вас тоже позвольте поздравить с окончанием беспокойств и поблагодарить, что вы меня здорово и невредимо сохранили.

Квартальный расшаркался.

– Кажется, мы вас не беспокоили и доносили об вас как о благороднейшем человеке. Не скрою, однако, что мне один раз была за вас нахлобучка.

Эта встреча с Александром Николаевичем повлияла на всю мою дальнейшую судьбу. Я жил в то время на окраине Москвы, в захолустье: давал уроки в небогатых купеческих домах.

Я был страстный любитель театра. С одним приятелем мы ходили в Малый театр чуть не каждый день, и сидели всегда в райке. У нас были там свои привилегированные места, которые занимать никто не мог, потому что мы забирались в театр до спуска средней люстры. Соседями нашими были большею частью студенты Московского университета и один почтенный учитель русской словесности Андрей Андреевич, всегда ходивший в синем форменном фраке и белом галстуке. Он постоянно вступал со студентами в спор о пьесе и ее исполнителях.

В зале пусто и темно, лишь в оркестре мелькает несколько огоньков. Посреди мрака и тишины вдруг пикинула скрипка, ей отвечает другая, третья... Смолкло. Огоньки начинают прибывать. Маленькую трель испустила флейта; дали знать о своем существовании литавры...

³ А. Н. подарил мне оттиски с авторской надписью. – И. Г.

Свету в оркестре все больше и больше. Дружатся между собою скрипки; крякнул контрабас; нежную, сладенькую нотку дала виолончель... В оркестре начинается полная жизнь: все инструменты пришли в движение. Люстра медленными порывами выходит из отверстия. Раек с шумом и криком наполняется зрителями. Места берутся с бою.

- Нет, вы позвольте! Мы тоже деньги заплатили.
- Я и в креслах могу сидеть.
- Ну, так туда и пожалуйста по вашему чину.
- Что вы, – в баню, что ли, пришли?
- Послушайте, тут дамы.
- Что ж, мы ничего такого не говорим.
- Поберегите ваши слова для Таганки.
- Мы в Тверской-Ямской живем, а не в Таганке.
- Оно и видно.
- Успокоились, уселись.
- Какая игра?
- «Лев Гурыч Синичкин».⁴
- Живокини действует?
- Действует.
- Ублагит! Намедни он на кровати с господином Васильевым⁵ разыгрывали... умора!
- Почтенный, подвиньтесь маленько.
- Не забывайся!
- Ух, как страшно!
- В шубе-то, пожалуй, сопреешь, а девать ее некуда.
- В шубе совсем невозможно – растаешь: жара, как в кузнице.
- Квасок малиновый!
- Что ты тут топчешься? Еще игра не начиналась, а уж он с квасом!
- Ты приходи по третьему поту, а теперь пока рано: к твоему квасу еще расположения нет.
- В купонах сидеть превосходнее, а для дам даже оченно. А здесь так намнут...
- Кто же это позволит?
- Да тут, тетенька, и позволения вашего не будут спрашивать, потому – теснота. Видите,

как народ прет.

Подобные перемолвки продолжаются и во время антрактов.

Купцы, в среде которых мне приходилось бывать, были неохотливы до театра.

– Живем мы в тех же направлениях, как наши старики жили. И слава богу, – лучше нам не надо! – говорили они.

На сцене Большого московского театра знаменитая танцовщица Фанни Эльслер. Москва преклонялась пред ее талантом. В книжных и музыкальных магазинах выставлены ее портреты; ресторатор Шевалье готовит котлеты *a la Fanny Eisler*;⁶ в табачных магазинах предлагают папиросы *Fanny Eisler*; модистки мастерят шляпки *Fanny Elsler*. Имя Фанни Эльслер у всех на языке. Балетоманы наверху блаженства; поэты бряцают на лирах. Увлечение дошло до того, что один солидный чиновник, занимавший видный служебный пост, в порыве восторга, вскочил на козлы кареты артистки и проследовал с нею до ее отеля. Были очень почтенные люди, считавшие за счастье получить от нее на память башмаки, в которых она танцевала. Поэты приветствовали ее восторженными стихами. Н. В. Берг выходил из себя; все ему в ней нравилось.

⁴ «Лев Гурыч Синичкин» – водевиль Д. Т. Ленского.

⁵ Водевиль «Комната с двумя кроватями». – И. Г

⁶ Во вкусе Фанни Эльслер (франц.).

Да, мне милы и за то вы,
Что, любя Москву мою,
Полюбили в ней еще вы
Наши горы Воробьевы,
Что гуляли по Кремлю.

Описывая поездку артистки на Поклонную гору, поэт восклицает:

На горе у нас Поклонной
Положили вы поклон, —
На горе, отколь в дни оны
Подожгли к стенам Москвы,
Распустив свои знамена,
Грозных галлов легионы —
Бонапартовские львы.
Там, свои покинув дрожки,
Вы смотрели на Москву,
Там и ваши чудо-ножки,
Пропорхнувши вдоль дорожки,
Смяли нашу мураву;
И слегка напечатленный
Ваших ножек нежный след,
Вашей славой озаренный,
Прирастет к горе Поклонной,
Прирастет на много лет.⁷

Андрей Андреевич был в восторге от Фанни и во время антрактов читал нам лекции «о мастерстве и искусстве».

– Это – художница! Это – великая художница! Это – предел хореографическому искусству: дальше уже там нет ничего. Все наши танцовщицы перед ней только большие мастерицы и больше ничего! Мне жалко смотреть на прыгающих мужчин, на кружащихся девушек и девочек, но я с благоговением смотрю на выдвигающуюся из толпы художницу.

А в захолустье у нас так понимали Фанни Эльслер.

– Боже мой, как она превосходно танцует! – говорил в семействе своего дяди, богатого фабриканта, молодой человек, кончивший курс в Коммерческом училище.

– Затанцуешь, как пить и есть захочешь, – и из дудке заиграешь, – замечает дядя.

– Помилуйте, разве можно про Фанни Эльслер так говорить?

– Что она тебе кума, что ли? Ты бы об душе своей больше подумал...

– Душа тут ни при чем, душа цела будет, если я в театр пойду.

– Ну, не скажите! – возражает тетка.

– Что с дураком разговаривать, – заключает дядя, – в церковь ежели придет – одному святому кивнул, другому моргнул, третий сам догадается, а вот но театрам – наше дело.

Такое воззрение на театр все-таки не удерживало захолустье иногда посетить его. Это обыкновенно бывало на масленице. В эти дни театральным начальством и репертуар прино-

⁷ В записных книжках И. Ф. Горбунова записано продолжение этого стихотворения: Вспоминали вы не раз, Как Москва, без битвы, даром, Опаленная пожаром, Супостату отдалась. И душою возмущенной, Как бы слыша гул и стон Той эпохи отдаленной, На горе у нас Поклонной Положили вы поклон. Да, мне милы и за то вы, Что нередко посещали Наши вы монастыри; Пенью иноков внимали И под Синодальным ждали Появление зари. Прим. редакции. Сочинений Горбунова. СПб. 1 т, 3, 1907 г.

равливался ко вкусам захолустья: давали обыкновенно «Парашу Сибирячку»,⁸ «Наполеоновский генерал, или Муж двух жен», «Идиот, или Гейнбергское подземелье», «Принц с хохлом, бельмом и горбом», и другие, подобные этим пьесы, в которых Живокини и Никифоров клали, как говорится, в лоск почтеннейшую публику. Непрерывный смех и взвизгивание раздавались сверху донизу.

– Положим, что смешно, но ведь это балаган! Тут нет ничего эстетического, – говорил наш ментор Андрей Андреевич.

Я восхищался игрой Живокини, и такой приговор о нем мне не нравился.

– Вы возьмите по сравнению: смех, которым вас дарит Садовский, и смех, который вынуждает из вас Живокини.

И он читал нам лекцию о смехе.

С появлением на сцене комедии Островского «Не в свои сани не садись» на московской сцене начинается новая эра. Я был на первом представлении этой комедии.⁹ Она была дана в бенефис Косицкой. Взвился занавес, и со сцены послышались новые слова, новый язык, до того неслыханный со сцены; появились живые люди из замкнутого купеческого мира, люди, на которых или плевал с высоты своего невежества петербургский драматург Григорьев «с товарищи», заставляя их говорить не существующим, сочиненным дурацким языком, или изображали их такими приторными патриотами, что тошно было смотреть на них. Например, в одном водевиле из народного быта мужик поет:

Русских знает целый свет,
Не с руки нам чванство...
Правду молвил я иль нет

(Обращаясь к публике):

Пусть решит дворянство.

Посреди глубокой тишины публика прослушала первый акт и восторженно, по несколько раз, вызывала исполнителей. В коридорах, фойе, в буфете пошли толки о пьесе. Восторгу не было конца. Во втором акте, когда Бородкин поет песню, а Дунюшка останавливает его: «Не пой ты, не терзай мою душу», а тот отвечает ей: «Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородкин...» – театр зашумел, раздались аплодисменты, в ложах и креслах замелькали белые платки.

Восторженный ментор наш Андрей Андреевич обтер выступавшие на глазах его слезы и произнес:

– Это – не игра. Это – священнодействие! Поздравляю вас, молодые люди, вам много предстоит в жизни художественных наслаждений. Талант у автора изумительный. Он сразу встал плечо о плечо с Гоголем.

Под бурю аплодисментов, без апломба, застенчивый, как девушка, в директорской ложе показался автор и низко поклонился приветствовавшей его публике.

Таланты Васильева (Бородкин) и Косицкой (Дуняша) проявились в этих ролях во всю меру. Совершеннее сыграть было невозможно. Это была сама жизнь.

В это время из московских актеров я был знаком только с одним – Петром Гавриловичем Степановым, игравшим в пьесе «Не в свои сани не садись» роль Маломальского, трактирщика.

⁸ «Параша Сибирячка» – драма Н. А. Полевого.

⁹ «Я был на первом представлении...» – Комедия А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» поставлена в первый раз в Москве, в Малом театре 14 января 1853 года.

Петр Гаврилович был человек крайне оригинальный. Несмотря на свои почтенные лета, он часто проделывал ребяческие шутки. Актер он был, как говорится, на вторые роли, но был необыкновенный и замечательный грим. Он мне рассказывал, что император Николай Павлович приказал вызвать его в Петербург для исполнения только одной роли князя Тугоуховского в «Горе от ума». Эту немую роль своим исполнением и гримировкой он выдвинул на первый план. Императрица Александра Феодоровна при появлении его на сцену признала в нем одного московского сановника (князя Юсупова) и очень смеялась.

Вскоре после первого представления «Не в свои сани» он пригласил меня пить чай в трактир Пегова, где теперь ресторан «Эрмитаж» Оливье. Выпили мы «четыре пары» (так в то время определялась порция чаю), – Петр Гаврилович отдал половому деньги, который через минуту принес их обратно и положил на стол.

– Что значит? – с удивлением спросил Петр Гаврилович.

– Прикащик не берет, – с улыбкой отвечал половой.

– Почему?

– Не могу знать, не берет. Ту причину пригоняют...

– Извините, батюшка, мы с хозяев не берем, – сказал, почтительно кланяясь, подошедший прикащик.

– Разве я хозяин?

– Уж такой-то хозяин, что лучше требовать нельзя! В точности изволили представить. И господин Васильев тоже... «кипяточку!»... на удивление!

– За комплимент благодарю сердечно, а деньга все-таки возьми.

Постом 11 марта 1853 года сгорел Большой московский театр. Пожар начался утром. Шел маленький снежок. Я был на этом пожаре. Смелого и великодушного подвига кровельщика Марина, взобравшегося по водосточной трубе под самую крышу для спасения театрального плотника, – не видал. Зрелище пожара было внушительно. Странно было смотреть, как около этого объятых пламенем гиганта вертелись пожарные со своими «спринцовками». Брандмайор, брандмейстеры, пожарные неистово кричали осиплыми, звериными голосами:

– Мещанская, качай!

Труба Мещанской части начинает пускать из своего рукава струю, толщиной в указательный палец. Две-три минуты покачает – воды нет.

– Воды! – кричит брандмейстер. – Сидоренко! В гроб заколочу!..

Сидоренко, черный как уголь, вылупив глаза, поворачивает бочку.

– Сретенская!.. Берегись!..

– Публика, осадите назад! Господа, осадите назад! – кричит частный пристав.

Никто не трогается с места, да и некуда было тронуться: все стоят у стены Малого театра. Частный пристав это так скомандовал, для собственного развлечения. Стоял, стоял, да и думает: «Дай крикну». И крикнул... Все лучше...

– Назад, назад! Осадите назад! – вежливо-презрительным тоном покрикивает, принимая на себя роль полицейского, изящно одетый адъютант графа Закревского.

Все стоят молча. Адъютант начинает сердиться.

– Я прикажу сейчас всех водой заливать! – горячится адъютант.

– Вода-то теперича сто целковых ведро! Киятру лучше прикажите заливать, – слышится из толпы.

Хохот.

– Два фантала поблизости, из них не начерпаешься. На Москву-реку за водой-то гоняют. Скоро ли такой огонь убоготворишь?

– Смотри, смотри! Ух!

Крыша рухнула, подняв вверх мириады искр.

А гигант все горит и горит, выставляя из окон огромные пламенные языки, как бы подразнивая московскую пожарную команду с ее «спринцовками». К восьми часам вечера и начальство, и пожарные, и лошади – все выбились из сил и стояли.

Летом последовала война с Турцией. К осени с берегов Дуная стали приходить известия о небольших стычках наших войск с турецкими, Расположенные в Москве войска, напутствованные благословением московского первосвященника Филарета, выступали на брань. «Московские ведомости» становились с каждым днем интереснее. Патриотический дух Москвы поднимался все выше и выше. Загудели московские колокола при известии о Синопском бое; возликовала Москва от победы Бебутова¹⁰ над сераскиром¹¹ эрзерумским. В «Московских ведомостях», чуть не в каждом номере, стали появляться патриотические стихотворения дотоле неведомых поэтов – В. Павлова, Веры Головиной, Е. Колупановой, князя Цертелева, Василия Поедугина; потом пошли известные литераторы М. А. Стахович¹² и Ф. Б. Миллер,¹³ наконец, стали по рукам ходить стихотворения Хомякова¹⁴ «Тебя призвал на брань святую», «Глас божий! Сбирайтесь на праведный суд» и знаменитое в то время стихотворение «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон», положенное на музыку двумя композиторами – Бавери и Дюбюком и иллюстрированное П. И. Боклевским.¹⁵ Б. Н. Алмазов¹⁶ написал стихотворение «Крестноносцы». Ликования продолжались, а с Запада шли к нам грозные тучи, чувствовалось, что ликованием наступает конец. У Иверской, в здании присутственных мест, и на Воздвиженке, в казенной палате, раздавались стоны и рыдания рекрутских жен и матерей.

«Набор!» Боже, что это за страшное слово было в то время! Что за страшные сцены совершались в рекрутских присутствиях!

– Годен в команду! – раздается голос председателя рекрутского присутствия.

– Бог с тобой, Микита Митрич! Задаром ты нашу семью разоряешь, – говорит, всхлипывая, рекрут сдатчику-мироеду, – твоему племяннику идти следует.

– Ваше сиятельство, – вырываясь из рук солдата, говорит, обращаясь к присутствию, рекрут. – Я могу! Нужды нет, что пьяный! Ежели мне теперича еще поднести – я куда угодно!

– Ежели он деревню спалил – ему в Сибири место, а ты его в некрута царские привез, – говорит старик-крестьянин барскому приказчику. – Которые на очереди, ты тех не отдаешь!

– Тятенька, голубчик! Затылочек заметить приказала – радостно вскрикивает молодой красивенький парень, выскакивая из дверей присутствия. – Расширение жилы!

– Тебе как затылок-то брить: по-модному, что ли? – острит цирюльник – солдатик из жидков.

– Нам все одно, – отвечает за сына старик отец. – стыда в этом нет. Садись, Петруша, садись. Мать-то уж, чай, там досыта навывлась!

– В госпиталь на испытание! – раздается голос председателя.

– В гошпиталь на воспитание! – кричит солдатик, выпроваживая из присутствия «сомнительного» рекрута.

¹⁰ *Бебутов В. О.* (1791–1858) – генерал, армянский князь, герой русско-турецкой войны 1853–1855 годов.

¹¹ *Сераскир* – начальник турецких войск, военный министр.

¹² *Стахович М. А.* (ум. в 1858 г.) – писатель, драматург, переводчик; примыкал к «молодой редакции» журнала «Москвитянин». В сценах из народного быта Стаховича «Ночное» в роли пастуха Вани дебютировал И. Ф. Горбунов на сцене Александринского театра 16 ноября 1855 года.

¹³ *Миллер Ф. Б.* (1818–1881) – поэт-переводчик Шиллера, Гейне, Мицкевича, Шекспира, в 1859–1881 годах издавал юмористический журнал «Развлечение».

¹⁴ *Хомяков А. С.* (1804–1860) – поэт, философ, один из основных представителей славянофильства.

¹⁵ *Боклевский П. М.* (1816–1897) – известный художник, иллюстратор произведений Гоголя и Островского.

¹⁶ *Алмазов Б. Н.* (1827–1876) – поэт, фельетонист, критик, член «молодой редакции» журнала «Москвитянин».

– Я человек ломаный! Мне сорок годов. У меня уж скрозь ребра кишки видно, а меня в солдаты! Какой же это порядок! Какой я солдат! Мне, по-божьему-то, в богадельню бы куда... Мало ли нашего брата мещанина путается, которые непутные сами продаются в охотники. Я живописец, образа писал, никого не трогал... – говорит, трясаясь всем телом, бледный, худой посадский мещанин.

– Мастеровщина ваша так теперь и летит! – замечает один из сдатчиков. – Портных очень начальство обожает: как сейчас портной, так и пожалуйте!

– Портной теперь человек нужный.

– Ну, положим портной, – вмешивается кто-то, – а ежели сайками кто торгует – тех за что? На Яузском мосту вчера одного так с лотком в прием и потащили.

Сердце надрывалось, – больно было смотреть на новых рекрутиков, препровождаемых вечером в Крутицкие казармы.¹⁷ Толпа, стоявшая несколько часов без порток в рекрутском присутствии, ожидая своей очереди, обезображенная жидом-цирюльником – это было переселение душ на двадцать пять лет в иной мир, в мир розог, шпицрутенцов, фухтелей,¹⁸ линьков,¹⁹ зуботычин.

Во время набора последовал манифест о разрыве дипломатических сношений с Англией и Францией. Московский трактир обругал Наполеона жуликом.²⁰

В театре в это время дела шли своим порядком. Из Петербурга прислана была для постановки новая пьеса актера Григорьева «Подвиг Марина». Из уважения ли к подвигу, или по другим причинам, эту нелепость сыграли, и успеха она никакого не имела.

В один из спектаклей я узнал от моего приятеля, что Островский написал новую пьесу «Бедность не порок».²¹ На другой же день я пошел к Александру Николаевичу. Он жил тогда у Николы в Воробине, под горой, на берегу реки Яузы, в собственном небольшом деревянном домике. Домик этот стоит и поныне. Но... там, в этом домике, где великий художник свои «вещие персты на живые струны вскладаше» и эти струны пророкотали «Свои люди – сочтемся», «Грозу», «Воеводу», – там теперь увеселительное заведение с «распитием на месте».

Александр Николаевич принял меня крайне ласково, и я стал переписывать пьесу у него в кабинете. На другой день его посетил Аполлон Александрович Григорьев. Не придавая никакого значения своим рассказам – у меня их в то время было три: «Сцена у квартального надзирателя», «Сцена у пушки» и «Мастеровой», – я рассказал сначала одну сцену, потом другую, потом третью. Аполлон Александрович затребовал продолжение, но у меня больше не было. Александр Николаевич сдержанно, а Аполлон Александрович восторженно похвалили меня.

– Вы наш! – воскликнул он, ударяя меня по плечу. Дня через два Александр Николаевич читал пьесу у себя. Собрались ее слушать: Н. А. Рамазанов,²² П. М. Боклевский, А. А. Григо-

¹⁷ Крутицкие казармы расположены на Арбатецкой улице нынешнего Пролетарского района Москвы. В то время служили местом предварительного заключения и пересылочным пунктом для рекрутов.

¹⁸ Фухтель – удар по спине плашмя обнаженной шпагой.

¹⁹ Линек – кончик линя, толстой веревки, употреблявшейся для телесных наказаний матросов.

²⁰ «Московский трактир обругал Наполеона жуликом» – Наполеона III, французского императора с 1852 по 1870 год, племянника Наполеона I Бонапарта.

²¹ «Бедность не порок» – написана А. Н. Островским в 1853 году и вышла отдельной книжкой в 1854 году. Впервые поставлена в Москве в Малом театре 25 января 1854 года. По поводу этой пьесы разгорелась острая полемика демократической критики со славянофилами. Особое значение имела статья Н. Г. Чернышевского в «Современнике» (1854, № 5), где он писал: «Островский впал в притворное прикрашивание того, что не может и не должно быть прикрашиваемо» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 2, М., 1949, стр. 240).

²² Рамазанов Н. А. (1815–1867) – скульптор академик, профессор Московского училища живописи и ваяния. В 50-х годах был близок к «молодой редакции» журнала «Москвитинин», в котором помещал рассказы из жизни художников и статьи по вопросам искусства.

рьев, Е. Н. Эдельсон,²³ Б. Н. Алмазов, А. И. Дюбюк и другие. Ждали П. М. Садовского, но он не был. Всем присутствовавшим пьеса была уже известна: они слушали ее во второй раз. После чтения Александр Николаевич предложил мне рассказать мои сцены. Успех был полный. С этого вечера я стал в этом высокоталантливом кружке своим человеком. Е. Н. Эдельсон стал мне давать небольшие книжки для рецензии в «Москвитянине», а Аполлон Александрович настоятельно требовал, чтобы я написал что-нибудь для журнала. Я написал небольшую сцену «Просто случай», помещенную потом в «Отечественных записках» 1855 года.

Александр Николаевич меня выводил в свет, до Погодина включительно. Мы были несколько раз у графини Е. П. Растопчиной, у С. А. Пановой. Она жила на Собачьей площадке. Сын ее, Николай Дмитриевич, страстный любитель музыки и литературы, устраивал у себя спектакли.²⁴ В одном из спектаклей участвовал Александр Николаевич в роли Маломальского, и я вышел в первый раз на сцену в роли полового.

На этом спектакле я в первый раз познакомился с Провом Михайловичем Садовским. Он остался очень доволен моими рассказами, и я несказанно был счастлив, что вызвал смех у царя смеха.

– Приходите ко мне каждый день, – сказал мне на прощанье Пров Михайлович.

И стал я к нему ходить каждый день, и привязался я к этому редкому человеку и гениальному артисту всей душой, и пользовался его взаимной любовью до конца его дней. Он тоже полюбил меня и поручил мне обучение своего сына Миши²⁵ грамоте. Мальчик оказался чрезвычайно способным, и мне не стоило никакого труда заниматься с ним.

Принимала также участие в спектаклях Н. Д. Панова графиня Растопчина, сама писавшая для себя небольшие пьески, обыкновенно в два-три лица и разыгрывала их с И. В. Самаринным, актером Малого театра. Режиссерскую часть принимали на себя Н. А. Рамазанов и Н. И. Шаповалов.²⁶ Спектакль заключался дивертисментом,²⁷ в котором участвовали А. И. Дюбюк, П. М. Садовский и я.

Гостеприимные двери А. А. Григорьева радушно отворялись каждое воскресенье. «Молодая редакция» «Москвитянина» бывала вся налицо: А. Н. Островский, Т. И. Филиппов,²⁸ Е. Н. Эдельсон, Б. Н. Алмазов, очень остроумно полемизировавший в то время в «Москвитянине» с «Современником» под псевдонимом Ераста Благодурова. Шли разговоры и споры о предметах важных, прочитывались авторами новые их произведения: так, Борис Николаевич в описываемое мною время в первый раз прочитал свое стихотворение «Крестоносцы»; А. А. Потехин, только что выступивший на литературное поприще, – свою драму «Суд людской – не божий»; А. Ф. Писемский, ехавший из Костромы в Петербург на службу, устно изложил план задуманного им романа «Тысяча душ». За душу хватала русская песня в неподражаемом исполнении Т. И. Филиппова; ходенем ходила гитара в руках М. А. Стаховича; сплошной смех раздавался в зале от рассказов Садовского; Римом веяло от итальянских песенок Рамазанова. Вот одна из его песенок:

Отслужили литанию²⁹

²³ Эдельсон Е. И. (1824–1868) – член «молодой редакции» журнала «Москвитянин», литературный критик.

²⁴ Один из друзей Александра Николаевича, который тогда и впоследствии собирал и хранил все черновые рукописи его пьес. Где теперь эти рукописи? – И, Г.

²⁵ Миша – Садовский М. П. (1847–1910) – знаменитый русский актер.

²⁶ Шаповалов Н. И. – либеральный чиновник Дворцовой канторы в Москве, в 50 – 60-х годах – организатор и режиссер любительского драматического кружка, ставившего свои спектакли на квартире Н. И. Давыдова у Красных ворот. Был близок к «молодой редакции» журнала «Москвитянин», в котором помещал научно-популярные статьи.

²⁷ Дивертисмент – дополнение к главному представлению.

²⁸ Филиппов Т. И. (1825–1899) – член «молодой редакции» журнала «Москвитянин», впоследствии реакционный публицист, сенатор.

²⁹ Литания – род краткого богослужения.

Богоматери святой.
И засел в исповедницу
Капуцин³⁰ седой.
Перед старцем на коленях,
Утопаючи в слезах,
Мариуччи молодая
Кается в грехах:
«Padre mio!³¹» Влюблена я...»
«Что ж, мое дитя,
То не смертный грех —
Случалось, был влюблен и я».
«Вот что, padre, онамедни
Дома я была одна,
Мама с братом у обедни,
Я стояла у окна...
Вдруг стучится кто-то в двери...
Сердце замерло во мне!
То был он!.. Мадонна Sancta!³²
Буду я гореть в огне?»
«И ты двери отворила?...
Sancta Trinita!³³
«Отворила», что ты, padre!
Дверь была не заперта».

Бывали на этих собраниях: Алексей Степанович Хомяков, Никита Иванович Крылов,³⁴ Карл Францевич Рулье.³⁵ Из музыкально-артистического мира: А. И. Дюбюк, И. К. Фришман,³⁶ певец Бантышев³⁷ и другие. Не пренебрегал этот кружок и диким сыном степей, кровным цыганом Антоном Сергеевичем, необыкновенным гитаристом, и купцом «из русских» Михаилом Сергеевичем Соболевым, голос которого не уступал певцу Марио.³⁸

Чуть не каждый день Александр Николаевич уезжал куда-нибудь читать свою новую пьесу. Толков и разговоров о ней по Москве было много. Наконец она назначена к представлению. Роли были розданы, и автор прочел ее артистам в одной из уборных Малого театра.

Часто посещая Прова Михайловича за кулисами во время репетиций и спектаклей, я перезнакомился со всеми артистами. Московская труппа того времени сияла своими талантами. Маститый ветеран сцены Щепкин хотя и готовился к празднованию своего пятидесятилетнего юбилея, но талант его не угасал. Городничий, Фамусов, Утешительный³⁹ являлись на сцене все теми же нестареющими созданиями. Колоссальный талант Садовского, после исполнения им купца Русакова в «Не в свои сани не садись» Островского, вырос во всю меру; молодое дарование Сергея Васильева проявилось во всем блеске. Самарин, в своем неблагодар-

³⁰ Капуцин – монах католического францисканского ордена.

³¹ Отец мой (итал.).

³² Святая (итал.).

³³ Святая Триаиса (итал.).

³⁴ Крылов Н. И. (1808–1879) – профессор римского права Московского университета.

³⁵ Рулье К. Ф. (1814–1858) – выдающийся русский биолог-эволюционист, профессор Московского университета.

³⁶ Фришман И. К. – известный скрипач.

³⁷ Бантышев А. О. (1804–1860) – знаменитый русский оперный певец, тенор.

³⁸ Марио (1810. – 1883) – знаменитый итальянский певец, тенор.

³⁹ Утешительный – герой комедии Н. В. Гоголя «Игроки».

ном репертуаре молодых людей, стоял очень высоко; Шуйский, вернувшийся из Одессы, сразу занял в труппе почетное место. А какие были первоклассные актеры: Живокини, Никифоров, Степанов!.. Женский персонал, хотя сравнительно и бедный по количеству, не отставал от мужского по качеству. Какие слезы извлекала у зрителей Л. П. Косицкая; какими живыми лицами являлись на сцене А. Т. Сабурова, С. П. Акимова и сестры Бороздины – Варвара и Евгения; с какой художественной правдой передавала свои роли Екатерина Николаевна Васильева!

Мнения в труппе относительно новой пьесы разделились. Хитроумный Щепкин, которому была назначена роль Коршунова, резко порицал пьесу. Он говорил: «Бедность не порок, да и пьянство – не добродетель». Шуйский следовал за ним. Он говорил: «Вывести на сцену актера в поддевке да в смазных сапогах – не значит сказать новое слово». Самарин, принадлежавший к партии Щепкина, хотя и чувствовал, что роль (Митя) в новой пьесе ему не по силам, – молчал. А Петр Гаврилович Степанов говорил: «Михаилу Семенычу с Шуйским Островский поддевки-то не по плечу шьет, да и смазные сапоги узко делает – вот они и сердятся». Точно: ни ветерану русской сцены, ни блестящему первому любовнику Самарину, ни прекрасному (водевильному в то время) актеру Шуйскому новые, неведомые им типы Островского не удавались. «Новое слово» великого писателя застало их врасплох. Для этого «слова» выдвинулись свежие, молодые силы в лице С. В. Васильева и И. П. Косицкой и, соединившись с Садовским и Степановым, поставили репертуар Островского так высоко, что он на долгое время сделался господствующим на московской сцене.

Михайло Семенович должен был посторониться, и, мне кажется, в этом и вся причина его нерасположения к пьесам нового писателя. Невозможно, чтобы мог величайший из русских артистов, выдавший на своем веку всякие виды, живший духовной жизнью в самом ученом и образованном кругу, пятьдесят лет прослуживший драматическому искусству, мог не понять таких созданий, как «Свои люди – сочтемся», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», а он прямо говорил, что он их не признает, а об «Грозе» отзывался с отвращением. В споре об этой пьесе он до того разгорячился, что стукнул костылем и со слезами сказал:

– Простите меня! Или я от старости поглупел, или я такой упрямый, что меня сечь надо. Садовский объяснял это по-своему:

– Ну, положим, Михаил Семенович может дурить на старости лет: он западник, его Грановский наспринцовывает, – а какой же Шуйский западник? Он – Чесноков.⁴⁰

Объясняли это еще тем, что круг, в котором вращался Михаил Семенович, так называвшиеся в то время «западники» (Грановский, Кудрявцев,⁴¹ Катков), неприветливо смотревшие на нового автора, который, за принадлежность к «молодой редакции» «Москвитянина», сопричастен был к лику славянофилов.

Все-таки на конце своей славной жизни, года за три или четыре до смерти, ветеран-художник протянул руку примирения Любиму Торцову и сыграл его в Нижнем Новгороде (не знаю – повторил ли он эту роль в Москве). С потоком слез обнял он и...

Мы участвовали на литературном утре в Московской четвертой гимназии, в доме Пашкова. Читали А. Н. Островский, П. М. Садовский, М. С. Щепкин, С. В. Шуйский, И. В. Самарин и я. Блестящая публика собралась на наше чтение, тем более что сбор с него поступал в одно из благотворительных заведений, и раздачу билетов приняли на себя дамы высшего света.

Вышел на эстраду Михаил Семенович. Долго неумолкавшим громом рукоплесканий встретила его публика. Кончился восторженный прием. Михаил Семенович стоит молча... Аплодисменты раздаются снова... Молчание*

– Старик забыл, – говорит Шуйский. Гробовое молчание.

– Столбняк нашел! Надо выйти подсказать, – говорят.

⁴⁰ Чесноков – настоящая фамилия актера Шуйского.

⁴¹ Кудрявцев П. Н. (1816–1858) – историк, профессор Московского университета, друг Грановского.

На меня пал жребий идти на эстраду. Что подсказать? Кажется, на афише не было назначено, что он будет читать. Кто говорит – «Полководец» Пушкина; кто говорит – про Жакартов станок,⁴² стихотворения, которые он читал часто.

Наш Щепкин не раз про Жакартов станок
Рассказывал нам со слезами, —
И сам я от слез удержаться не мог,
И плакали Корши⁴³ все с нами.

Решили: про Жакартов станок.

Я вышел на эстраду и сказал совсем растерявшемуся Михаилу Семеновичу первый стих:

Честь и слава всем трудам...

Старик воспрянул и с страстным одушевлением прочитал стихотворение (это было за два года до его смерти).

– Что с вами, Михаил Семенович? – окружили его, когда он вошел в залу, из которой выходили на эстраду.

– Да уж, должно быть, к праотцам пора! А тебе большое спасибо! – обратился он ко мне. – Я думаю, тебе конфузнее было выходить, чем мне молча стоять.

– Мы не знали, что вы хотите читать: мы думали подсказать вам «Полководца», – сказал Самарин.

– Совсем бы зарезали! «Полководца» уж я давно не читал, а это-то сегодня раза три пробежал, – отвечал Щепкин.

С потоком слез обнял он меня и в то же время Островского. Сцена была чувствительная. Не помню слов, какие говорил Щепкин, но помню, что Александр Николаевич очень растрогался.

– Какой счастливый Александр Николаевич! – сказал Садовский, когда мы пошли домой.

– Чем?

– Как чем? Михаил Семенович-то «приидите поклонимся» ему сделал.

В театре также были славянофилы и западники. Щепкин, Шуйский, Самарин были западники, Садовский был славянофил.

– Любовь, ты западница или славянофилка? – обратился раз Садовский к Л. П. Косицкой.

– Я, милый мой, на всякое дело гожусь, лишь бы правда была. Ты какой веры – славянофил? Ну, я с тобой на край света пойду. А вот Шуйский западник, – может, его вера и лучше твоей, только от нас подальше, – отвечала веселая Любовь Павловна.

Знаменитая актриса Аграфена Тимофеевна Сабурова называла театральных западников «хлыстами».

– Сережа, – говорила она С. В. Васильеву, – ты не вздумай в их компанию перейти – я с тобой играть не стану.

⁴² «Жакартов станок» – стихотворение «Труженик» немецкого революционного поэта Артура Фрейлиграта, перевод Ф. Миллера (1851). Это стихотворение, запрещенное цензурой, Горбунов, как и многие мемуаристы о Щепкине, назвал «Жакартов станок». Дело в том, что Щепкин, воспользовавшись постановкой комедии Фурнье «Станок Жакара», читал это стихотворение от имени переплетчика Жакара, роль которого он исполнял. Пьеса была поставлена в Малом театре впервые в 1858 году, а стихотворение «Труженик» Щепкин читал еще в 1853 году.

⁴³ Корши – семейство В. Ф. Корша, в 50-х годах редактора газеты «Московские ведомости». В доме Корша собирались писатели, журналисты, ученые.

Садовскому от западников сильно доставалось. Ленский писал на него грубые эпиграммы и вообще на его счет остроловил. Как актер, он стоял далеко не на первом плане, хотя и играл Хлестакова, но знал французский язык, хорошо переводил и переделывал водевили, писал гладко стихи, что в то время ставилось в заслугу. Образованья был невысокого, эпиграмма его не была «хохотунья» и часто обличала в ее авторе отсутствие литературного вкуса, ни для акафиста⁴⁴ ему, ни для печатного станка не годилась, но в своем кружке, в веселой компании, в купеческом клубе, в кофейной Московского трактира, – цена ей была высокая. Оставшиеся в живых, уже убеленные сединами бывшие бражники и весельчаки доныне вспоминают веселые беседы с участием Д. Т. Ленского, человека нервного и раздражительного. Пословица говорит: «Для красного словца не пожалеет родного отца». Так и он: поздравляя, со слезами на глазах, М. С. Щепкина с предстоящим пятидесятилетним юбилеем, он в ту же минуту изрек:

Заиграет оркестр Сакса,
И запенится Аи,
Зарыдает старый плакса,
А с ним денежки мои.

Приглашенный на один роскошный обед в какой-то ресторан в качестве гостя, он дает такой отчет об этом обеде:

Обед наш был весьма негоден,
Не много было и ума:
Нам речи говорил Погодин,
А деньги заплатил Кузьма.⁴⁵

Мы все ждали с нетерпением первого представления «Бедность не порок». Начались репетиции, и мы с Александром Николаевичем бывали на сцене каждый день. Наконец, пьеса 25 января 1854 года была сыграна и имела громадный успех. Садовский в роли Любима Торцова превзошел самого себя. Театр был полон. В первом ряду кресел сидели: граф Закревский и А. П. Ермолов,⁴⁶ большой почитатель Садовского.

– «Шире дорогу – Любим Торцов идет!» – воскликнул по окончании пьесы сидевший с нами учитель российской словесности, надевая пальто.

– Что же вы этим хотите сказать? – спросил студент. – Я не вижу в Любиме Торцове идеала. Пьянство – не идеал.

– Я правду вижу! – ответил резко учитель. – Да-с, правду! Шире дорогу! Правда по сцене идет. Любим Торцов – правда! Это – конец сценическим пейзажам,⁴⁷ конец Кукольникову:⁴⁸ воплощенная правда выступила на сцену.

«Московские ведомости», единственная тогда газета, не обмолвилась ни одним словом о новой пьесе; лишь Н. Ф. Щербина почтил автора гнусной эпиграммой.⁴⁹

⁴⁴ Акафист – молитвенно-хвалебное песнопение.

⁴⁵ Кузьма Терентьевич Солдатенков. – И. Г. Солдатенков К. Т. (1818–1901) – московский миллионер, известный меценат, книгоиздатель и собиратель живописи.

⁴⁶ Ермолов А. П. (1772–1861) – генерал, герой Отечественной войны 1812 года.

⁴⁷ Сценические пейзажи – идиллический образ крестьянина в театре.

⁴⁸ Кукольник Н. В. (1809–1868) – русский реакционный писатель, автор верноподданнических ходульных драм.

⁴⁹ Имеется в виду эпиграмма: Со взглядом пьяным, взглядом узким, Приобретенным в погребу, Себя зовет Шекспиром русским Гостинодворский Коцебу. (Н. Ф. Щербина. Стихотворения. Л., 1937, стр. 189)

Вплоть до масленицы пьеса не сходила с репертуара, несмотря на то, что ее загораживала гостившая в то время в Москве знаменитая Рашель.⁵⁰ Москва чествовала ее по-московски: в последний спектакль на масленице, в воскресенье, ей поднесен был от публики серебряный кубок с изображением московского герба; М. С. Щепкин поднес ей каллиграфическую рукопись «Сцены из «Скупого рыцаря». К рукописи были приложены картинки, заимствованные из содержания сцен, два вида Москвы, свой портрет и французские стихи, «мастерски написанные женщиной-поэтом», как сказано в «Московских ведомостях». Говорили, что стихи писала графиня Растопчина. Западники были в полном увлечении от Рашели, а славянофилы воздали «коемуждо по делу его». Аполлон Александрович Григорьев ответил Щербине тоже эпиграммой и написал стихотворение «Рашель и правда».⁵¹

Злоба Щербины не имела границ. Он, кроме злостной эпиграммы, поддерживал еще клевету на Александра Николаевича в плагиате первой комедии. Клевета эта печатно поднималась два раза, пока не вызвала протеста Александра Николаевича,⁵² напечатанного в «Современнике». Клеветники приписывали пьесу купеческому сыну Гореvu, который написал ужаснейшую дребедень под заглавием «Сплошь да рядом», напечатанную в «Отечественных записках». Один актер хлопотал о пропуске ее в театрально-литературном комитете. Комитет был последователен в притеснении Островского. Комитет пропустил, а вскоре «ничтоже сумняшися» забраковал прелестнейшую комедию Островского «Свои собаки грызутся».⁵³ Спустя год министр двора граф В. Ф. Адлерберг велел пьесу пересмотреть вновь, другими словами – пропустить. Комитет с важностью занес в журнал. Пьеса была сыграна с большим успехом и долго оставалась на репертуаре, а член театрально-литературного комитета Ротчев после первого представления написал в «Инвалиде» о неуспехе пьесы⁵⁴ и окончательном падении таланта Островского. Из четырех членов театрально-литературного комитета, подавших голос против пьесы, остались неизвестными для потомства три: четвертый заявил себя печатно (А. Г. Ротчев), отозвавшись крайне неодобрительно и с чувством озлобления. Я написал против его отчета несколько слов в «Северной пчеле» и дорого за это поплатился. Мне было сделано от начальника репертуара строгое внушение, что, состоя на службе, и т. д. Сколько я ни оправдывался, что это дело частное, нисколько до службы моей не относящееся, но начальство стояло на своем.

De mortuis...,⁵⁵ но Ротчев не был в театре и пьесы не видал, и был в этом уличен. Подобные отчеты бывали прежде нередко. Писались даже отчеты заблаговременно. Так, директору Сабурову одна русская княгиня за границей рекомендовала принять на службу в русскую оперу соотечественника, обладавшего, по ее словам, необыкновенным голосом. В самом же деле у этого певца голосу было только на пятиалтынный. Директор исполнил просьбу и заключил с певцом контракт. Газеты зашумели: из-за границы едет необыкновенный певец, берет ут-диез чище Тамберлика, будет дебютировать в «Отелло» и т. п. Явился этот певец. То был Кравцов.

⁵⁰ *Рашель Элиза* (1821–1858) – французская трагическая актриса. Гастролировала в Петербурге и Москве в 1853–1854 годах.

⁵¹ «Рашель и правда» (элегия-ода-сатира) была опубликована в «Москвитянине» (1854, № 4). Восхищение Григорьева славянофильскими тенденциями пьесы Островского «Бедность не порок» вызвало резкое осуждение прогрессивной критики. В «Современнике» (1854, № 3) появилась фантастическая сцена «Литературные гномы и знаменитая актриса», где высмеивалась «молодая редакция» «Москвитянина». Это стихотворение Григорьева теперь печатается под названием «Искусство и правда».

⁵² Протест Островского был напечатан в № 8 «Современника» за 1856 год, а исчерпывающее «Литературное объяснение» – в газете «Московские ведомости» 5 июля 1856 года, № 80 (Полное собрание сочинений, т. 14, М., 1952, стр. 49–52, 53–54).

⁵³ «Свои собаки грызутся» – пьеса А. Н. Островского, опубликована впервые в журнале «Библиотека для чтения» (1861, № 3). Первая постановка пьесы состоялась на сцене Малого театра 27 октября 1861 года; в Петербурге на сцене Александринского театра 3 ноября 1861 года. В главной роли Бальзамина выступил И. Ф. Горбунов.

⁵⁴ Ошибка Горбунова – Ротчев напечатал статью за подписью Р. не в газете «Русский инвалид», а в «Северной пчеле» 19 ноября 1861 года, № 259. Ответ Горбунова за подписью Г. был помещен в той же «Северной пчеле» 2 декабря 1861 года, № 275.

⁵⁵ О мертвых (*лат.*) – начало латинского изречения. «De mortuis aut bene, aut nihil – «О мертвых или хорошо, или ничего».

На репетиции дебютант проявил все данные ему богом голосовые средства: оказалось очень мало. Но этому не поверили: одни отнесли к застенчивости, другие к желанию дебютанта показать себя во всем блеске на первом представлении.

Петр Ильич Юркевич,⁵⁶ член театрально-литературного комитета, принадлежал к числу последних. Едучи в театр, он завез в типографию одной газеты, в которой был постоянным сотрудником, несколько прочувствованных слов о первом дебюте: «При появлении певца-феномена зала задрожала от рукоплесканий». Ут-диез поразил всех, как громом. Весь фешенебельный Петербург присутствовал на торжестве молодого дебютанта. Подробности завтра». Действительно, в зале Мариинского театра весь фешенебельный Петербург был в этот вечер. Действительно, раздались аплодисменты при появлении нового певца, но не только ут-диеза, даже никакого голоса фешенебельному Петербургу певец не предъявил, обеспокоил только почтеннейшего Юркевича, который во время антракта должен был съездить в типографию и взять у наборщика свой восторг обратно.

В одну из поездок по Волге в Казани я познакомился с Горевым: он был актером в казанской труппе. Это был настоящий Любим Торцов. Оборванный, обдерганный пьяница, неоднократно подвергавшийся припадкам белой горячки, человек буйный. Перед моим с ним знакомством он только что вышел из больницы, где лечился от нанесенной ему каким-то трагиком в живот раны той же самой посудой, из которой они вместе пили. Да не подумайте, что я кладу очень густые краски на эту личность для того, чтобы выставить ее рельефнее, – нет! – это есть истинная правда. В дни оны подобные люди представляли тип. Они обыкновенно выходили из разоренного купеческого гнезда. Разорился, например, купец и побрели розно все родственники, составлявшие дом: «купеческие братья, купеческие племянники, тетки и т. п.». Бессильные и дряхлые, становившиеся на паперти церковной, тетки расползаются по пустыням⁵⁷ и монастырям, в которых они прежде считались благодетельницами. Молодежь, вкусившая на дядин капитал всех прелестей прежней Нижегородской ярмарки с ее историческим селом Кунавиным, с трактирами Никиты Егорова, Барбатенки и т. п., путались по Москве без всякого дела. Иные пристраивались к какому-нибудь певческому хору, другие продавались в солдаты, а некоторые поступали в актеры. Таких актеров прежде в провинции можно было встретить много. Горев происходил именно из разоренного купеческого гнезда. Я не могу понять, каким образом литературным людям, беседовавшим с Горевым, могло прийти в голову, что он мог написать такую высокую комедию, как «Свои люди – сочтемся»? Ведь это был человек необразованный, даже малоразвитый. С особенным чувством эта клевета поддерживалась в одном петербургском литературном кружке. В 1846 году Т. И. Филиппов познакомился с Островским и застал пьесу черновой. Сам он третий акт переписывал с Н. В. Кидошенковым.⁵⁸

Вероятно, эту сплетню распустил сам Горев, потому что ни на одного Островского он посягнул: Горев впоследствии присваивал себе пьесу Чернышева⁵⁹ «Не в деньгах счастье», но эта сплетня дальше актерского кружка не пошла.

Горев в разговоре со мною уклонялся разъяснить мне эту гнусную историю, но назвал лиц, которые ему покровительствовали в Москве. Это был несчастный человек, страдавший галлюцинациями. Он умер, подавившись рыбной костью.

Вслед за Островским попробовали свои силы в изображении купеческого быта актер Красовский, написавший комедию «Жених из ножовой линии», М. Н. Владыкин⁶⁰ – пьесу «Купец-лабазник». Она и до сих пор играет в провинции, но в Москве была снята после нескольких

⁵⁶ Юркевич П. И. – музыкальный критик.

⁵⁷ Пустынь – небольшой монастырь в малолюдной местности, а также отдельные жилища монахов вне монастырей.

⁵⁸ Кидошенков П. Б. – приятель А. Н. Островского, московский купец.

⁵⁹ Чернышев И. Е. (1833–1863) – драматург, беллетрист, артист Александрийского театра.

⁶⁰ Владыкин М. Е. (1830–1887) – драматург, артист Малого театра. В пьесе Владыкина «Образованность» Горбунов впервые дебютировал на сцене Малого театра 16 ноября 1854 года в роли молодого купца.

представлений по распоряжению графа Закревского, и вот почему. Владыкин был военный инженер; написал свою комедию в Петербурге. Главное действующее лицо в пьесе был купец Голяшкин. Эту роль в Москве играл Садовский. На несчастье автора, в Москве отыскался не вымышленный, а настоящий купец Голяшкин. Пошел по купечеству разговор. Заходили слухи, что племянники Голяшкина по злобе на дядю заказали написать пьесу, чтобы «пустить на него мораль». Хотя в пьесе никаких намеков на настоящего Голяшкина не было, но все-таки она была снята в уважение заслуг его по благотворительным учреждениям. Запрещение мотивировали тем, что в пьесе унижается благородное сословие.

За Владыкиным выступил ходатай по судам от купечества Н. З. Захаров, которого купцы звали Сахар Сахарычем.

Затем написал пьесу купец Солодовников. Этому творению не суждено было восхищать публику: оно осталось в конторе у автора. Оба же эти произведения кружились около «Свои люди» и «Не в свои сани». Далее принес на рецензию Александру Николаевичу пьесу из купеческого быта Осипов: ее не играли, но впоследствии она была напечатана в «Отечественных записках».

В течение трех лет три пьесы нового автора («Бедная невеста», «Не в свои сани» и «Бедность не порок») сделали крупный поворот драматического репертуара на новую дорогу. Затребовались бытовые пьесы. Этому повороту помогли одновременно с первой пьесой Островского появившиеся на сцене пьесы: Сухово-Кобылина «Русская свадьба», драма «Расставанье» Родиславского,⁶¹ потом пьесы из народного быта «Суд людской – не божий» А. А. Потехина и другие. Полевой,⁶² Кукольник, Ободовский⁶³ и вся французская мелодрама сошли со сцены. Мелодраму, впрочем, изредка поддерживал М. С. Щепкин, неподражаемо исполняя роль матроса⁶⁴ в пьесе того же названия. Шекспир, немножко сконфуженный Самариным в роли Гамлета,⁶⁵ тоже посторонился и дал дорогу новому репертуару, тем более, что Леонид Львович Леонидов, лучший представитель каратыгинских традиций, вызванный в Москву для замещения Мочалова, был снова вызван в Петербург для замещения скончавшегося Каратыгина.

Каратыгин невысоко стоял во мнении наших учителей: он отличный актер, но не Павел Степанович (Мочалов) – до него ему далеко.

– Да-с, батюшка, далеко, – говорил Садовский. – Вот Аполлон чудесно сказал:

Мы Веронику с ним любили,
За честь сестры мы с Гюгом мстили,
И – человек уж был таков —
Мы терпеливо выносили,
Как в драме хвастал Ляпунов.⁶⁶

– Позвольте вам доложить, – заносчиво возразил бывший в Москве молодой петербургский актер, – Белинский сказал о Каратыгине в «Велизарии»...⁶⁷

⁶¹ Родиславский В. И. (1828–1885) – начальник секретного отделения канцелярии московского губернатора, драматург и переводчик, бессменный секретарь Общества русских драматических писателей, основанного А. Н. Островским в 1874 году.

⁶² Полевой И. А. (1796–1846) – писатель, журналист и историк, издатель журнала «Московский телеграф».

⁶³ Ободовский П. Г. (1805–1864) – драматург, переводчик.

⁶⁴ Роль Симона в пьесе «Матрос» Соважа и Делюрье – одна из ярких в щепкинском репертуаре. Щепкин с поразительным актерским мастерством передал силу воли, любовь к людям и родине простого матроса Симона, который после двадцатилетнего отсутствия посещает родной дом и уходит из него, не открыв своего имени, чтобы не разрушить счастливую жизнь новой семьи.

⁶⁵ При постановке «Гамлета» в бенефис Самарина М. С. Щепкин собрал у себя артистов, участвовавших в пьесе. – И. Г.

⁶⁶ Стихотворный пролог А. А. Григорьева «Рашель и правда».

⁶⁷ Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Александринский театр. «Велизарии», где критик дал очень высокую оценку

– Это для вас, – обиделся Садовский, – для Санкт-Петербургских, Белинский – евангелие, а для нас он ничего не значит. Мы сами кое-что понимаем и без Белинского. Белинский нам не указ.⁶⁸ Мы своим умом живем. Да что тут и играть-то в «Велизарий»?⁶⁹ Всякий московский протодьякон сыграет Велизария. Кричи громче – вот тебе и Велизарий! А вот Гамлета ваш Каратыгин играет очень нехорошо, а Павел Степаныч... Да вот что! – разгорячился Садовский. – Я играл с ним в «Гамлете» Гильденштерна.

– «Сыграй мне что-нибудь», – говорил он, подавая мне флейту...

– «Я не умею, принц...» – отвечал я, взглянув на него... Чувствую по всему телу озноб, зубы у меня задрожали. С этой минуты я и постиг, что значит актер.

– Значит, вы находите, что у Мочалова было больше, как говорят французы... чем у Каратыгина?

Садовский ехидно улыбнулся, потому что споривший щегольнул французской фразой, не зная французского языка.

– Не знаю, что французы говорят, а вот у нас говорят, что Мочалова с вашим Каратыгиным равнять нельзя. Мочалов – гений!

– Нельзя же отказать Каратыгину...

– Да мы и не отказываем, а сажаем всякого на свое место. Мартынов у вас – вот актер! Чудеснейший актер! Ну, какой Каратыгин Гамлет, какой он Чацкий? Это какой-то директор департамента... Отнимите у него рост, что он с одним своим басом сделает? Он холодный актер, деланный: ему только и играть Кукольника да Ободовского...

актерскому искусству В. А. Каратыгина, исполнявшего роль Велизария. Статья была опубликована в «Литературном прибавлении к «Русскому инвалиду» 25 ноября 1839 года (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 3, М., 1953, стр. 315–324).

⁶⁸ «Молодая редакция» «Москвитянина» отрицательно относилась ко всем западникам и революционерам-демократам, в том числе и к Белинскому.

⁶⁹ «Велизарий» – трагедия в пяти действиях Эдуарда Шенка (перевод П. Г. Ободовского) о полководце Византийской империи Велизарий (505–565), обвиненном в заговоре против императора Юстиниана I.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.